

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»

С того момента, когда мы начинаем говорить, то произносим сотни тысяч слов. С возрастом пытаемся высказывать свои мысли, защищать убеждения, отвечаем на чужие вопросы и задаем свои, признаемся в любви, просим прощения, ругаемся, молимся, читаем вслух и поем. Только со временем начинаем понимать, какие последствия имеют наши слова, приносят они пользу или вред, дарят собеседникам свет либо погружают во тьму. Но, к сожалению, не все осознают, что слова подобны бумерангу, который всегда возвращается...

Мои родители познакомились, когда были молодыми студентами. Мама мечтала стать учителем рисования, папа планировал получить диплом технолога молочной продукции. Они любили друг друга, но не спешили со свадьбой, оба сначала хотели получить высшее образование, потом решить, куда отправиться трудиться, будучи одной семьей. Но на последнем курсе института мама поняла, что беременная. Эта новость безумно расстроила ее: отсутствие законченного образования, своего угла, денег на планирование новой жизни привело к мысли, что ребенок был совершенно некстати. Она решилась на аборт. У врача в поликлинике попросила направление на анализы для операции. К счастью, на приеме в женской консультации дежурила пожилая, но очень мудрая женщина. Врач предупредила о возможном бесплодии после прерывания беременности и поругала за мысли и слова об избавлении от крошечного плода любви. Мама решила, что будет рожать. В сибирских деревнях, откуда были родом мои родители, считалось недопустимым выходить замуж с животом, поэтому молодые решили срочно расписаться. Родители студенческой пары помогли провести свадьбу и обустроили комнату в общежитии.

Беременность проходила без осложнений. Перед родами родители даже успели сдать государственные экзамены и успешно защитить дипломы. Но последствия длительного предэкзаменационного волнения дали о себе знать, роды начались раньше срока. После трех суток родовых мук на свет появился мальчик, который не дышал. Врачи пытались реанимировать маленькое синенькое тельце, но все попытки были тщетны. Для мамы жизнь на время остановилось. Боль в теле после родов оказалась ерундой по сравнению с болью в сердце от мыслей о не подающем признаков жизни ребенке. Она взывала о помощи и громко проклинала себя за то, что когда-то пожелала избавиться от своего ребенка. Врачи, окаменевшие от происходящего, услышав мамин крик, вдруг будто очнулись и смогли «завести» дыхание малышу. Так на свет появился я...

Почти сразу после рождения у меня диагностировали бронхиальную астму. Врачи уверяли, что причиной недуга явился слабый иммунитет недоношенного дитя, но мама была уверена, что эти проблемы были связаны с нарушением правил оказания помощи при родах, ведь при первом моем вздохе я не кричал, как все дети, а просто кряхтел, будто маленький старичок.

Тяжелые приступы удушья пугали моих родителей. Вскоре они приняли решение сменить место жительства. В надежде, что моя болезнь отступит, мы уехали жить в небольшой поселок на Черноморском побережье. Отец смог устроиться на местный молокозавод, мама, просидев положенное время в декрете, устроилась в дом культуры. Через год родителям предоставили служебную квартиру в доме на краю поселка. Спустя несколько лет поселок разросся, поэтому наш дом оказался практически в его центре.

Переезд действительно помог преодолеть астму, но в детстве все обыкновенные простуды непременно заканчивались бронхитом. Вместе с антибиотиками врачи предписали делать ингаляции. Когда я болел, рядом с моей кроватью всегда появлялась странная стеклянная конструкция, в которую мама наливала эфирные масла и заставляла дышать этими парами. Бульканье в приборе меня веселило, но после процедур во рту всегда оставалась неприятная горечь.

В десять лет врачи обнаружили у меня редкую разновидность сердечной недостаточности. Запретив тяжелые нагрузки, дали предписание дважды в год ложиться в районный стационар для медикаментозного поддержания работы сердца. К уколам и капельницам я был приучен с детства, поэтому появление в больнице меня не пугало. Жалко было маму, которая всегда тихонько плакала, когда собирала мои вещи в стационар.

Однажды в больнице решили использовать иную схему профилактики моей болезни сердца, но проверять реакцию на препараты не стали. Ночью со мной случился анафилактический шок. Несколько часов врачи боролись за мою жизнь. Последствия этого эксперимента тяжело отразились на моем здоровье: я резко потерял в весе, с трудом перемещался. Мой лечащий врач только разводил руками. Из города пригласили кардиолога. По приезде он предупредил меня, что вызвал в больницу родителей. Никогда прежде я не видел, чтобы мама так горько плакала. Она гладила меня по мокрой от пота голове и убеждала, что все обойдется. Папа выкрикивал проклятья в адрес каких-то непонятных эскулапов. Когда мама запретила отцу ругаться, он побухтел еще немного и пообещал подарить мне собаку, о которой я так мечтал...

Через несколько дней меня посетил кардиолог теперь уже из краевой больницы. Молодой веселый мужчина был обладателем невероятно огромных и сильных рук. Он назвал меня бойцом с необычным сердцем. Долго расспрашивал про детство, соседских друзей, семью, любимое варенье и собаку, которую я с раннего детства мечтал завести. В заключение доктор объяснил, что, согласно анализам, со мной все в порядке, только если я хочу поскорее выписаться домой, должен кушать как настоящий мужчина, а не птенец. Потом он внимательно посмотрел на меня и, показывая мощные бицепсы, сказал, что, если я хочу быть таким же сильным, как он, должен каждый день заниматься лечебной физкультурной и плаванием. Я не знал, как исполнить последнюю рекомендацию, ведь мама запрещала мне без взрослых бегать на море. Папа плавать не умел и боялся воды. Для мамы вода Черного моря не казалась притягательной и наши семейные прогулки в основном ограничивались пикниками на суше. Доктор почувствовал мое замешательство и произнес: «Дай мне слово, что станешь сильным!» В ответ я утвердительно кивнул. Мужчина грозно посмотрел на меня, обещание пришлось произнести вслух. Чтобы немного разрядить обстановку, врач рассказал пару смешных анекдотов, напомнив напоследок, что настоящие мужчины держат свое слово, и пообещал заглянуть на следующий день.

Разговор с врачом немного утомил меня, но в голове все время кружили его слова и мое обещание. Никогда отец не разговаривал со мной в таком уважительном тоне. Он любил меня, но всегда относился ко мне, будто я маленький несмышленок. Впервые в жизни больше всего на свете мне захотелось стать сильным настоящим мужчиной. Ужинать в больничной буфет я отправился на своих ногах. Каша в тот вечер оказалась невероятно вкусной. Приезд врача повлиял на меню больницы и мой аппетит, повара стали очень вкусно готовить. Мои соседи по больничной палате жарко спорили по этому поводу. Но с тех пор я старался ничего не оставлять в тарелке...

Я быстро пошел на поправку и через две недели меня выписали. Рассказав родителям о рекомендациях кардиолога, я надеялся, что они помогут мне преодолеть страх перед бескрайним морем. Отец без особого интереса выслушал меня и сказал, что из-за болезни я скатился на тройки, поэтому должен был вплотную заняться учебой, а не этой ерундой, которую посоветовал врач. «Мало мы с мамой не вылезаем из больниц и поликлиник, устали от твоих болячек, не хватало, чтобы ты еще и утонул», – напоследок сказал отец. Тогда я напомнил про обещание завести собаку, которая будет сопровождать меня на утренней пробежке, на что получил короткий ответ: «Закончи учебный год без троек, потом посмотрим, тем более собака для бега совершенно не нужна».

Впервые в жизни мне было обидно и досадно. Мама пыталась успокоить меня, объяснить, что отца уволили, его надо было понять и не держать обиду. Но его слова отозвались горечью в моей душе. Несмотря на это я все рано решил сдержать свое слово.

Тайком от родителей я стал бегать на море. Чтобы не оставлять мокрых «улик», брал запасные плавки с собой. Плавание давалось мне нелегко. Сначала я просто боялся воды, все время болтался у прибрежки, опасался волн, терпеть не мог медуз. Но однажды я познакомился с пожилым мужчиной (мне тогда казалось, что он был старым, хотя значительно позже я понял, что ему не было и пятидесяти лет), его звали дядя Боря. Подтянутый сухопарый пловец купался в море при любой погоде и «настроении» воды. Его техника плавания, насколько я мог судить, и выносливость меня восхищали. Я попросил научить меня так же плавать. Дядя Боря был немногословен, спросил только, почему я не учусь у отца. В ответ я рассказал про рекомендации врача, нелюбовь родителя к стихии и острой необходимости стать настоящим мужчиной. Дядя Боря посмеялся и взялся меня обучать. По моим рассеченным от камней стопам и влажным от воды трусам мама быстро обо всем догадалась. Ругаться не стала, но предложила составить мне компанию, сказав отцу, что по утрам решила заняться бегом трусцой вместе со мной. На следующий день я познакомил маму с дядей Борей. К моему огромному удивлению он меня очень хвалил, говорил, что никогда раньше не видел такого целеустремленного и отважного мальчика, который непременно станет настоящим мужчиной. Мама гордилась мной, а я решил поставить новый рекорд. Учебный год я закончил с одной тройкой по русскому языку, за что естественно был лишен права обладать собакой, но уже к августу месяцу мог без напряжения проплыть пятьсот метров и продержаться под водой почти полторы минуты.

Я перестал пить лекарства, в поликлинике почти не появлялся, но эти успехи родители будто не замечали, они стали часто ссориться по пустякам. Вскоре главной темой для скандалов стали сплетни неизвестных нам приятелей, которые якобы видели маму рядом с другим мужчиной в разных местах и в разное время суток. Сначала мама пеняла на безработицу отцу, но со временем перестала искать причину его грубости. Иногда она плакала, но по-прежнему каждый день отправлялась вместе со мной к морю. Пристрастить маму к плаванию мы с дядей Борей не смогли, вместо водных процедур она стала делать чудесные наброски набегающих волн, хотя всю жизнь утверждала, что являлась портретисткой. За годы работы в доме культуры она смогла стать старшим методистом, но несмотря на административную работу, набирала детей для преподавания живописи. Свои наброски отцу объясняла частыми пленэрами, но приступы ревности не позволяли ему оценить талант супруги.

Все лето отец тщетно пытался найти работу. В конце девяностых годов прошлого века

наш поселок был в полном запустении. Туризм развивался вяло, все мечтали непременно отдыхать в Крыму или Сочи, единственный совхоз развалился, предприятия по производству продуктов дышали на ладан. Заниматься частным извозом отец не хотел, работу грузчика в универмаге считал унижительной, к строительству и подсобному хозяйству не имел тяги. Окончательно измучив нас с мамой скандалами, а себя бездельем, отец написал письма своим институтским друзьям. Они стали звать его в город, где закончили вуз, и удивлялись его выбору места жительства, ведь, по их мнению, это было настоящим захолустьем. Вернуться туда, где климат мог повлиять на мое здоровье, мама отказалась. Устав от безденежья и напряжения в семье, она предложила папе одному съездить к друзьям и попробовать там найти работу. При прощании на вокзале никто из нас грусти не испытывал. Когда поезд тронулся, мама улыбнулась и предложила сходить на море, которое, из-за сборов отца в поездку, мы не видели больше недели...

(Продолжение следует)

Ариша ЗИМА